

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002 >

РОМАН №24 2023 ГАЗЕТА

Марк Алданов / Самоубийство

«Сельская академия», или Неяркая, но незабываемая страничка истории

Несколько лет назад была запущена издательская программа «ГАРАЖтекст» по поддержке авторов, пишущих о современном искусстве и культуре.

Монография владимирского историка и искусствоведа Михаила Львовича Бирюкова, к счастью и по полной справедливости, оказалась среди приоритетных изданий музейного центра «Гараж». Ее московская презентация в сентябре текущего года привлекла внимание столь широкого круга профессионалов — искусствоведов, культурологов, историков и краеведов, — что, казалось бы, научность этой работы затмит (а то и «затемнит») интерес к ней рядового читателя (к коим отношу, безусловно, и себя).

Объём около пятисот страниц (мелким шрифтом!), именной указатель — более трёхсот имён (первого ряда!), комментариев и ссылок — более тысячи.

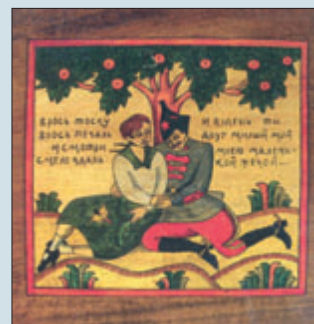
Почтительная благодарность автора за помощь в работе над книгой обращена к сотне (!) друзей, коллег, родственников его героев, а также к работникам 25 музеев, художественных галерей, архивов, библиотек.

«Мстёрский ковчег» создавался автором-энтузиастом как жизнеописание творческого коллектива учащихся и педагогов-художников. Он мог бы стать рядовым краеведческим очерком, подспорьем для путешествия по Владимирской глубинке. Результат оказался ошеломительным. О том, что работа Михаила Бирюкова фактически явилась серьёзным научным трудом говорили на встрече в «Гараже» многие. Услышат ли «глас учёного народа» в ваковских структурах, бог весть. Но отмечу как редактор и читатель: эта книга эталонный образец для пишущего по вопросам культуры. Читается она

нелегко, не быстро, но с упоением. В наших руках — творение талантливое, умное, увлечённое и бережное в оценках автора.

Е. Васильева

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная
коллегия:
Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный
редактор
Елена Русакова

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат
ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2023
Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

**Подписные
индексы издания:**

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2023 №24 /1941/ Основана в 1927 г.

Марк Алданов

Самоубийство

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ¹

I

В Вене с ужасом и благоговением говорили, что император Франц-Иосиф «живет по хронометру». Так, верно, ни один другой человек во всей Австрии и не жил. Говорили, так же неодобрительно, что он газеты читает «в гомеопатических дозах»: главное узнает из докладов, а остальное ему рассказывают Катерина Шратт или же «старый еврей»; под этой кличкой был в венском обществе известен Эммануил Зингер, один из владельцев большого газетного треста, ничего в газетах не писавший, но знавший всё и почему-то пользовавшийся милостью императора, который пожаловал ему дворянство.

Зингер, очень любивший Франца-Иосифа и хорошо его знавший, никаких советов ему не давал; только сообщал, «что говорят», и часто ссылался на каких-то галицийских талмудистов. Император не очень и ему верил, но слушал внимательно и не без интереса: может быть, и старики талмудисты что-то понимают, очень мало, но столько же, сколько министры или генералы.

Своих суждений, не относившихся к очередным делам, он министрам не высказывал. Один из них, граф Куэн-Хедервари, встречавшийся с ним в течение тридцати лет, вероятно, не менее тысячи раз, говорил, что совершенно императора не знает: между ними в разговорах всегда был точно невидимый занавес, за занавесом же находился не человек, а какой-то живой символ Габсбургской монархии.

Еще меньше верил он генералам. Особенно не любил, чтобы генералы вмешивались в политические дела (а министры — в военные). Раз, позднее, начальнику Генерального штаба Гецендорфу устроил сцену, когда генерал стал критиковать министра иностранных дел Эренталя, — если можно было назвать сценой то, что император немного повысил голос и чрезвычайно сухо сказал: «У графа Эренталя нет никакой своей политики: он делает *мою* политику».

Его любовница Катерина Шратт сообщала ему придворные сплетни. Она его обожала, тоже не давала ему советов, тоже ни о ком его не просила и ни о чем его не просила, денег от него не брала и даже подарки принимала смущенно. Это он чрезвычайно ценил.

Газетам же он не верил совершенно и даже не понимал, для чего они издаются и зачем их люди читают. Жил он учением Католической церкви и своей старческой мудростью, а также — в значительно меньшей степени — наследственной мудростью

Окончание. Начало см. в № 23 за 2023 год.

тех 137 Габсбургов, которые были похоронены в фамильной усыпальнице Капуцинской церкви. Живыми же Габсбургами и их мнением интересовался мало. Он проснулся, как всегда, в четыре часа утра и тотчас же встал со своей железной кровати. Ее называли «походной», хотя он на своем веку в походах бывал очень мало. Обстановка его спальни была чрезвычайно проста и даже бедна, особенно по сравнению с общим великолепием Бурга. Редкие люди, которые по долгу службы иногда заходили в эту комнату, изумлялись: неужели *так* живет император! Находили в этом «спартанский стиль» и не без недоумения вспоминали, что в своей интимной жизни, особенно в молодости, он спартанцем не был. Сам он не говорил ни о походной кровати, ни о спартанском стиле. Франц-Иосиф принадлежал к не слишком многочисленным в мире людям, которые ни в чем никогда не притворяются. Он был именно таков, каким его считали. Ему нравилось, что его спальня убрана так бедно, а дворец так богато; за долгую жизнь он привык к этому; вообще ничего не любил менять.

День начался с массажа ледяной водой. Так он начинался всегда. В последние годы доктор Керцль настойчиво требовал, чтобы император от такого массажа отказался: действительно, он в течение двух-трех часов после этого за работой дрожал и не мог согреться; позднее у него образовался хронический катар дыхательных путей. Керцль все же ничего не добился.

Завтрак состоял из стакана молока. Франц-Иосиф сел за стол, тоже очень простой и содержавшийся в чрезвычайном порядке. Чернильница, лодочки с карандашами, с очинёнными гусиными перьями находились всегда на одних и тех же местах. Камердинер знал, что если он что-либо передвинет хотя бы на дюйм, то император тотчас заметит и рассердится; гнев же у него выразится только в глазах и в коротком замечании. Франц-Иосиф почти никогда голоса не повышал и не выносил, чтобы при нем повышали голос другие. Придворным было известно, что на больших обедах за столом поблизости от него, да и не только поблизости, надо говорить очень тихо, — избави бог засмеяться или рассказать анекдот. Придворные обеды в Вене весельем не отличались.

На столе лежала тщательно выровненная стопка бумаг, поступавших на рассмотрение императора. Все знали, что Франц-Иосиф чрезвычайно добросовестен в работе, что он один из наиболее трудолюбивых людей страны. Говорили, будто он читает, от первого до последнего слова, все поступающие к нему документы. Это было бы совершенно невозможно. Бесчисленные бумаги, подававшиеся ему просто для подписи, он только пробежал и подписывал. Но доклады сановников читал очень внимательно: требовал только, чтобы они были не слишком длинны и по возможности просты.

Для хороших решений ему, как и другим правителям мира, нужны были бы такие обширные, глубокие, всеобъемлющие познания, каких не имел ни один человек на свете. Но он в меру думал над каждым докладом и писал свои замечания, всегда осторожные, обычно дельные. Иногда, впрочем, вставлял отдельные слова, непонятные министрам, вроде «Опять Бомбелль», «Бейст 1869 год», «1854 год, № 107». Император обладал необычайной памятью и неизменно всех поражал тем, что не только знал документы, подписанные им в молодости, но помнил даже их номера. Министры часто ломали себе голову над его отрывочными словами и приписывали их старческой рассеянности. Разъяснений обычно не просили, делали вид, будто понимают. Франц-Иосиф не любил устных указаний, предпочитал все писать и думал, что это не только самый надежный, но и самый быстрый способ работы. По телефону никогда не говорил и не имел даже аппарата в своих покоях: это было очень вредное и особенно беспокойное новшество. Так он до конца дней не пользовался и автомобилями; еще удивительно, что ездил по железным дорогам, которые, правда, появились в пору его детства.

Одна из бумаг касалась не государственных, а личных имущественных дел. Император управлял огромным наследственным богатством Габсбургов, и его управление вызывало у эрцгерцогов глухое недовольство. Имущество могло бы приносить гораздо больше дохода, чем приносило. Так, земли были сда ны полтора года тому Марией-Терезией по 47 крон за акр; эта арендная плата была недурной в восемнадцатом столетии, но теперь цены были совершенно другие, и наследник престола довольно настойчиво поговаривал о необходимости изменения контрактов. Он находил также, что в многочисленных владениях короны слишком много служащих и что некоторые из них ведут дела очень плохо или недобросовестно. Сахарное дело во всей Европе считалось чрезвычайно выгодным, все австро-венгерские сахарные заводы приносили большой доход, и только Гединский завод императора приносил большой убыток. Франц-Иосиф, впрочем, сам понимал, что он плохой сахарозаводчик, что действительно служащих больше, чем нужно, и что контракты с арендаторами не соответствуют новым экономическим условиям.

Он далеко не был равнодушен к богатству Габсбургского дома и желал быть самым богатым из монархов — тут соперничество могло быть только с русскими царями. При браках эрцгерцогов и эрцгерцогинь самым важным, конечно, была *Ebenbürtigkeit*¹ их невест и женихов; собственно, вполне *ebenbürtig* были только Бурбоны, — правда, они никогда не имели императорского титула, да еще, пожалуй, ба-

¹ Равенство по происхождению (*нем.*).

варская и саксонская династии: они королями стали не очень давно, но глубокая древность их владетельных родов была смягчающим обстоятельством. Все же Франц-Иосиф, хотя сам женился по любви на бедной баварской принцессе, бывал вполне удовлетворен лишь в тех случаях, когда женихи и невесты были не только *ebenbürtig*, но и очень богаты.

Женитьба наследника престола на какой-то чешской графине была для императора страшным ударом. Франц-Фердинанд смущенно ему говорил, что род Хотеков очень старый. Франц-Иосиф только смотрел на него с недоумевающей и презрительной улыбкой: Габсбурги на графинях не женятся! После долгих увещаний он скрепя сердце дал согласие при условии, что брак будет морганатическим: женится бог знает на ком, и только еще не хватало бы, чтобы его сын взошел на австрийский престол. Теперь, читая бумагу, он сердито думал о деловых планах наследника. Знал, что Франц-Фердинанд не жаден к деньгам (при устройстве своих великолепных садов в Конопиште он просто снес несколько доходных домов). Но, очевидно, он не понимал некоторых вещей: не понимал, что нельзя отменять условия, подписанные Марией-Терезией, нельзя увольнять хотя бы плохих служащих, предки которых служили Габсбургам. «Верно, и это идеи его дорогой жены», — думал он и с досадой отложил бумагу. Несколько позднее Франц-Фердинанд прислал ему официальный меморандум о необходимости перемен в управлении наследственными богатствами. Император ответил решительным отказом.

Работа кончалась обычно в восьмом часу утра, иногда несколько позднее, в зависимости от числа бумаг. Он ничего не откладывал на следующий день. Подписав последнюю бумагу, он позвонил в колокольчик. Вошел дежурный адъютант. Император учтиво-холодно наклонил голову. Руки не подал. Подавал руку только генерал-адъютантам, высшим государственным сановникам, иностранным дипломатам и людям, носившим очень древние, исторические имена, — знал генеалогию всех австрийских и многих иностранных фамилий. Никогда не подавал руки духовным лицам, даже кардиналам, и не целовал перстня. Люди удивлялись и приписывали это историческому атавизму, восходившему ко временам соперничества Габсбургов с Папами. Это несколько не мешало ему быть чрезвычайно благочестивым человеком. О смерти он почти не думал: по недостатку воображения не мог себе представить *свою* смерть, а в загробной жизни никогда не сомневался. Твердо знал: все будет хорошо. Только будет в Капучинской церкви 138-й Габсбург. Потерял очень много близких людей и никогда не испытывал чувства, будто у него похитили самое дорогое. Знал, что всех увидит снова. Но не спешил увидеть.

Адъютант подал список людей, которым на этот день были назначены аудиенции с указанием числа

минут каждой. Шестой в списке значилась дама: старая принцесса. Он велел впустить ее первой и перешел в другую, очень роскошно убранную комнату. Дамам, независимо от их происхождения, он всегда целовал руку: не садился за стол на парадных обедах, пока не селись дамы, — выходило так, что они усаживались в ту же секунду, что он; на балах, если недалеко от его кресла стояла у стены дама, он жестом предлагал ей занять его кресло, от чего она отказывалась с ужасом.

Он поцеловал руку принцессе, предложил ей сесть и одновременно сел и сам. Ей было отведено десять минут. Франц-Иосиф спросил об ее здоровье, о погоде в том городе, из которого она приехала, об общих знакомых, глубоких стариках и старухах, — помнил всех. Принцесса рассказывала. Он с юношеских лет выработал привычку слушать как будто с интересом и воздерживаться от зевоты. На девятой минуте принцесса, забывшая его правила, о чем-то пошутила и даже засмеялась. Это было совершенное безобразие. Глаза у него сразу стали ледяными. Она смутилась. Аудиенция продолжалась только девять минут. Он проводил принцессу до дверей.

Затем представлялись разные генералы. Их он расспрашивал о состоянии вверенных им частей, расспрашивал очень внимательно: военным делом еще интересовался больше, чем всем другим. Подал руку только одному генералу: это был барон с древним именем. До него был принят граф, ему император руки не подал: титул этого графа имел всего столетнюю древность. Барона же спросил даже об его охоте и вспомнил, что в молодости охотился с его дедом. Аудиенция была без свидетелей. Император знал, какой честью считается его рукопожатие, знал, что не все верили рассказам ослепленного лица, и после окончания приема вскользь сказал обер-гофмаршалу, что подал руку барону; таким образом это тотчас стало известно всем при дворе.

Ровно в двенадцать лакеи внесли небольшой столик с прибором. Франц-Иосиф ел очень мало. Завтрак продолжался двадцать минут, а перерыв в аудиенциях был в полчаса. Кофе император никогда не пил; позволял себе две сигары в день. С наслаждением закурил, но бросил сигару в двенадцать двадцать семь. Лакеи унесли столик. Аудиенции возобновились. Оставалось восемь человек, и только последняя аудиенция, назначенная графу Берхтольду для важного разговора, не была ограничена числом минут. Таким образом рабочий день был на этот раз не очень длинный. Вечером не было ни спектакля, ни бала. Никаких владетельных особ в Вене теперь не было и в ближайшее время не ожидалось. Это было очень приятно. Его утомляли посещения монархов, особенно Вильгельма II, которого он вдобавок не считал *настоящим* императором, как не считал настоящими императорами Романовых или прежде Бонапартов. Франц-Иосиф родился уже после того, как Габсбурги

из императоров Священной Римской империи стали просто австрийскими императорами, и в душе не прощал Францу II этого понижения в ранге династии. Он догадывался, о чем с ним будет говорить австро-венгерский посол в России. Этот родовитый, богатый и потому независимый человек, очень красивый, всегда превосходно одевавшийся, ему нравился. Император даже подумывал о том, чтобы предложить Берхтольду самую высокую придворную должность, для которой он очень подходил. Считал умным, способным человеком и министра иностранных дел Эренталья; тот был еврейского происхождения, но это для Франца-Иосифа в государственных делах не имело значения, он не выносил только людей, объявлявших себя свободомыслящими.

Однако и Эренталь, и Берхтольд вели беспокойную политику: оба ставили себе целью присоединение к империи Боснии и Герцеговины. Франц-Иосиф и сам хотел бы закончить свое царствование таким делом. Тут сказывались чувства 137 предков. Но дело казалось ему рискованным: могло привести к войне с Россией. Никаких войн он больше не хотел и всячески им сопротивлялся. Изменить его мнение ни Берхтольд, ни Эренталь не могли. Никто на него влияния не имел. Хорошо знавший его человек сказал о нем: «Если б в Империи был какой-нибудь князь тысячелетнего рода, и если б он был верующий католик, и если б он обладал огромным умом, огромной культурой, огромным состоянием, и если б он никогда, ни разу в жизни, ни о чем для себя не попросил, то, быть может, он имел бы некоторое влияние на нашего императора. Но такого человека в Империи нет».

Франц-Иосиф подал Берхтольду руку и предложил ему сесть. Спросил о здоровье, о погоде в России, о царе и царице. Затем вопросительно на него уставился, приглашая его перейти к делам.

После краткого общего доклада Берхтольд высказал мнение, что приобретение Боснии и Герцеговины совершенно необходимо империи. Оно чрезвычайно ее укрепит и сильно повысит ее престиж. Никакого риска нет: Россия на войну не решится. Вследствие недавнего поражения на Дальнем Востоке она очень слаба. Командование, военное снабжение, подготовка армии оказались плохими, русский военный флот совершенно разгромлен, — он приводил факты и цифры. Кроме того, революционное движение отнюдь не подавлено, в случае новой войны оно вспыхнет с еще гораздо большей силой: недовольство в России стало почти всеобщим, Сербия, разумеется, заявит протест, но какое значение может иметь Сербия? Настал благоприятный момент для действия, упустить его было бы грехом и огромной ошибкой.

Он говорил хорошо, гладко, без горячности: знал, что говорить с императором *горячо* нельзя. Франц-Иосиф бесстрастно и внимательно его слушал. Все

это не раз слышал и от Эренталья. «Да, оба хотят одного и того же. Как будто все правильно, но уверенности в этом быть не может, — думал он, — ни на чьи такие слова полагаться невозможно. Они молоды, большого опыта у них нет».

— Присоединение к моей империи Боснии и Герцеговины? Да, я это знаю, — холодно сказал он, когда Берхтольд замолчал. — Но вы говорите, что оно не приведет к войне с Россией и что Россия слаба. Однако так будет не всегда. И готовы ли к войне мы сами?

— В этом не может быть никакого сомнения, ваше величество. Таково единодушное мнение нашего командования.

— Я то же самое слышал от моих фельдмаршалов и генералов и в тысяча восемьсот пятьдесят девятом году, и в тысяча восемьсот шестьдесят шестом. Они жестоко ошиблись. Могут ошибиться и теперь. Я никакой новой войны не хочу. Прошу вас твердо это запомнить. Я давно говорил это и Бюлову (он произносил по-венски: Билов; правильным могло быть, конечно, только австрийское произношение).

— Строго подчиняюсь воле вашего величества. Но я обязан высказать свое убеждение. Если б даже Россия решилась на войну, то ей пришлось бы иметь дело также с Германией. Франция же в войну, наверное, не вмешается.

— Это мне тоже говорили. Я не уверен ни в том, ни в другом, — сказал император еще холоднее. — Император Вильгельм — друг царя. Французская политика очень изменчива. В политических делах нельзя быть уверенным ни в чем. И если б даже война кончилась полной нашей победой, то погибли бы сотни тысяч людей. А я, как верующий человек, не хочу проливать чью бы то ни было кровь и всего менее кровь моих подданных.

— Кровь и не будет проливаться, ваше величество, — уныло сказал Берхтольд. Он знал взгляды, не раз высказывавшиеся императором и Эренталю. Знал также, что эти взгляды не имеют решающего значения: давление правительства, парламента, того, что он называл волей народа, то есть мнения газетных передовых статей, окажутся сильнее. Франц-Иосиф и сам это понимал. Все же Берхтольд был разочарован. «С такими взглядами никакой политики вести нельзя. И он сам не всегда так думал. И я такой же добрый католик, как он... При чем тут вера?»

— Со всем тем, я не отрицаю, что было бы очень хорошо мирным путем присоединить Боснию и Герцеговину к моей империи, — сказал император. Смутно почувствовал, что этими словами почти уничтожает значение того, что говорил раньше. Это тотчас сказалось и в выражении глаз Берхтольда. — Я надеюсь, что вы, с вашими способностями и тактом, будете поддерживать добрые и корректные отношения с Россией.

— Я это и делаю как могу, ваше величество, — сказал Берхтольд облегченно и даже искренне. У него в самом деле были очень хорошие отношения с русским придворным миром. Его забрасывали приглашениями, он чуть не каждый день в обществе, в балете, в Михайловском театре встречался с петербургской аристократией.

После окончания приема император вздохнул свободно. Рабочий день был кончен. Оставалось теперь только приятное: прогулка, обед не на переносном столике, а в столовой, вековое токайское — он, впрочем, пил мало, — и госпожа Шратт. Ей разрешалось улыбаться, и даже хохотать, и даже рассказывать венские анекдоты. Он и сам смеялся в разговорах с ней; без нее, быть может, просто не выдержал бы своей жизни.

II

От Рейхеля пришла телеграмма: «Приезжаю среду несколько дней телеграфируйте можно обедать у вас четверг если дома приду шесть часов».

В другое время эта телеграмма обрадовала бы Ласточкиных. Они любили Аркадия Васильевича, мирлись с его тяжелым характером и, как говорила Татьяна Михайловна, чувствовали себя перед ним «без вины виноватыми»: не нашли для него в Москве работы. Изредка с ним переписывались. Он писал сухоовато. Это огорчало Дмитрия Анатольевича. Вскоре после того, как его бросила Люда, Рейхель кратко сообщил им, что наконец получил хорошее место с лабораторией в Военно-Медицинской академии и просил больше ему денег не присылать. В ответном поздравительном письме Ласточкин предложил помогать ему еще хоть некоторое время, так как ученые учреждения, верно, авансов не дают. Рейхель повторил, что отказывается: «Я очень тронут твоим и Тани неизменным вниманием. Однако я уже не нуждаюсь и, верно, больше никогда нуждаться не буду».

— Я была бы рада Аркаше, но как бы он теперь не встретился у нас с Людой? Верно, он слышал, что она в Москве: на всякий случай точно указывает день и час, точно не знает, что может прийти на обед когда хочет, — сказала Татьяна Михайловна. — Быть может, он и сердится, что мы ее принимаем. Я тебе говорила.

— Ты говорила, но пригласила ее к нам ты, — опять подразнил жену Дмитрий Анатольевич.

— Я тогда растерялась, а теперь не жалею.

— Ты отлично сделала, Танечка, — сказал Ласточкин. — Ничего, она в обеденное время приходит редко. Положимся на судьбу.

— Это приятно слышать. Ты, Митенька, на судьбу полагаешься редко. Слишком много все обдумываешь.

— Разве? Но если ты мной недовольна, то мы можем развестись, — пошутил Дмитрий Анатольевич и поцеловал жену.

Он ответил двоюродному брату телеграммой в шутовском тоне: «Мы оба страшно рады точка но отчего тебе не остановиться у нас точка старый замок как ты давно знаешь всегда к твоим услугам ждем обнимаем».

Рейхель у них не остановился, но пришел к обеду ровно в указанное им время. Был в гораздо лучшем настроении, чем прежде. Сказал, что «более или менее удовлетворен» полученной им должностью и много работает.

— Лаборатория очень недурна, у меня есть отдельная комната, и я теперь совершенно независим. Могу даже заказывать на казенный счет любые приборы.

— Как я рад! Ты прославишь эту лабораторию! — с жаром сказал Ласточкин. — Мне говорили о важности твоих работ.

Он не любил преувеличивать, но на этот раз покривил душой. Недавно из Петербурга в Москву приезжал знаменитый бактериолог. Встретившись с ним в редакции «Русских Ведомостей», Ласточкин спросил его о Рейхеле: «Ведь он, кажется, на пути к славе?» Профессор, не знавший об их родстве, пожал плечами: «Рейхель прекрасный, добросовестный, трудолюбивейший работник, но не очень талантливый человек». — «Неужели? А я думал, что из него выйдет новый Пастер!» — сказал огорченно Дмитрий Анатольевич. «Нет, Пастер никак не выйдет. Разумеется, мы его ценим. Хотя ему немного вредит то, что он так нервен, раздражителен и, грешным делом, в науке немного завистлив. Большие ученые такими не бывают... Впрочем, бывают и большие», — прибавил профессор, засмеявшись.

Татьяна Михайловна, не выносившая неправды, укоризненно взглянула на мужа и перевела разговор:

— Друзья мои, обед будет минут через десять. Я пришло вам сюда «аперитивы», так, кажется, это называется у французов? Что вы предпочитаете, Аркадий? Богдыхан в последнее время пьет вермут.

— Я и в Париже аперитивов не пил, а к их знаменитому абсенту и прикоснуться не мог. За столом, если позволите, выпью рюмку водки.

— Позволяю. Закуски мы за обедом не едим, начнем прямо с рассольника. Я ведь помню, что вы, Аркаша, любите рассольник с пирожками. Но я все-таки скажу, чтобы под водку подали икры, — сказала Татьяна Михайловна. У нее было правилом при гостях давать к столу то же, что подавалось без гостей; отступала от этого правила лишь при «парадных» обедах.

— Тогда, Танечка, не присылай мне вермута. И я выпью водки и не одну рюмку, а три в честь Аркаши. Ты прежде тоже пил три, — сказал Ласточкин и смутился: «прежде» могло быть Аркадием, при его подзвучивании, понято, как «в пору Люды». Так именно Рейхель и понял.

— *Теперь* у меня нервы в полном порядке и звинчивать себя водкой незачем, — равнодушно сказал он.

— Это отлично, а то ты человек минорной гаммы.

— А ты бравурно-мажорной.

— И слава богу. Я рад, что у меня счастливый характер.

— Ну, не слишком уж счастливый, ты еще недавно был в меланхолии, — сказала Татьяна Михайловна и вышла из гостиной. Рейхель вынул из кармана конверт и протянул его двоюродному брату.

— Это половина моего долга тебе, Митя.

— Какого долга?

— Ты знаешь, какого. Ты долго поддерживал меня и в Париже, и здесь. Пожалуйста, сочти. Другую половину надеюсь отдать через год.

— Да помилуй...

— Ничего не «помилуй»!

— Но ведь тебе трудно, и потом...

— Мне несколько не трудно. Я теперь очень порядочно зарабатываю, а проживаю вдвое меньше. И еще раз от души тебя благодарю.

— Ох, эта твоя щепетильность! Твое джентльменство иногда переходит в донкихотство, — сказал Дмитрий Анатольевич, знавший, что его слова будут приятны Аркадию. «Он всегда гордился своим джентльменством. Но как оно у него сочетается с озлобленностью и с вечным неприятным сарказмом? — подумал Ласточкин. — Он всегда был в денежном отношении совершенно бескорыстен, как и Люда. Надо все-таки сказать ему хоть что-нибудь о Люде? Иначе выйдет еще более неловко».

— Спрячь конверт, — сказал Рейхель, — и расскажи мне о своих делах. О политике, пожалуйста, не говори, я, как ты давно знаешь, ненавижу ее и презираю.

— О чем же? О культурной работе? Она опять возобновилась и развивается, несмотря на эту несчастную революцию. Все революции скверное дело, но нет ничего хуже подавленной революции, — сказал Ласточкин и заговорил на свою любимую тему: о сказочном росте России. Говорил так же хорошо и с таким же увлечением, как когда-то в Монте-Карло. Рейхель слушал, подавляя зевоту.

— Очень интересно, — сказал он. — О своих собственных заслугах ты не говоришь, но я знаю, какое участие ты принимаешь в этой работе. По-моему, ты делаешь настоящее дело.

— Быть может, но не такое все же, как вы, ученые... И еще новое отрадное явление: рост кооперации. Ты знаешь, кстати, что Люда в ней работает? — робко спросил Дмитрий Анатольевич. Лицо у Рейхеля чуть дернулось.

— Она в Москве? Вы ее видите?

— Изредка видим. Надеюсь, ты ничего против этого не имеешь? Ты понимаешь, что нам...

— Понимаю и решительно ничего не имею, — перебил его Аркадий Васильевич.

— Не знаю, известно ли тебе, что она разошлась с этим кавказским революционером?

Рейхель взглянул на него с изумлением. Затем злобно-весело рассмеялся.

— Я не знал! Хорошо, очень хорошо! И давно случилось это примечательное событие? — спросил он.

Ласточкин отвел глаза и пожалел, что сказал о Люде.

— Уже довольно давно... Она отошла от революции. Теперь получила место в одном кооперативном обществе, очень увлечена работой и...

— Она меня совершенно не интересуется, — опять перебил его Рейхель.

— С той поры, как ты вернул ей свободу, она...

— Мне незачем было возвращать ей свободу, мы не были женаты. И, извини меня, поговорим о чем-нибудь другом.

— Друзья мои, пожалуйста в столовую, — сказала в дверях Татьяна Михайловна.

За обедом Рейхель был весел. Сообщение о Люде доставило ему большое удовольствие. Очень хотел узнать, кто кого бросил, но спрашивать об этом было неудобно. Говорил любезности, что было ему не свойственно. «Все-таки он мил, хотя и сухарь, — думала Татьяна Михайловна, не знавшая об его разговоре с Дмитрием Анатольевичем. — Надо бы его женить». У нее мелькнули в памяти некоторые московские невесты. — «Нет, ни одна за него не пойдет. Он не может иметь успеха у женщин».

— Что же ты скажешь, Аркаша, об этом ужасном деле на Аптекарском острове? — спросил Ласточкин.

— Ничего не скажу. Надеюсь только, что всех этих бандитов перевешают.

— Дело они сделали действительно ужасное, — сказала Татьяна Михайловна. — Перебили множество ни в чем не виноватых людей. Да и виноватых убивать не следует. Но и вешать никого нельзя. И все-таки нельзя называть бандитами людей, идущих добровольно на верную смерть, как-никак, ради какой-то идеи.

— Хороша идея! Есть храбрые бандиты, это ровно ничего не значит. Картуш, Тропман тоже были бесстрашны.

— Я просто не могу понять, к чему они стремились. Ну, убьют Столыпина, будет Горемыкин или кто-нибудь такой же.

— А я и не интересуюсь, кто будет: все хороши, — сказал, пожимая плечами, Рейхель. Разговор ненадолго прервался.

— У нас завтра ложа в опере, «Борис» с Шаляпиным. Пойдете с нами, Аркадий?

— Спасибо. Кого вы еще звали?

Она поспешно назвала одного поэта, писавшего непонятные статьи об аполлонической музыке. Рейхель кивнул головой удовлетворенно. «Не думал же он, что мы его пригласим с Людой!»

— А четвертое место оставлено специально для вас, Аркаша.

— Охотно пойду, вечером я свободен. Но вы знаете, что я ничего в музыке не смыслю, просто жаль давать мне место. Кажется, «Борис» теперь в большой моде?

— В моде или нет, но я во всей музыкальной литературе не знаю ничего лучше сцены коронования.

— Я слышал от кого-то, что у вас теперь первый музыкальный салон в Москве.

— Надеюсь, вы не вкладываете иронического оттенка в слово «салон»? Да, мы оба все больше увлекаемся музыкой, — сказала Татьяна Михайловна и вдруг похолодела: из передней послышался быстрый трехкратный звонок — так звонила Люда. «Господи, как не повезло!» Она с ужасом взглянула на мужа, но было уже поздно: входную дверь отворили. Люда вошла своей быстрой энергичной походкой в столовую — и остановилась на пороге.

— Друзья мои... Аркадий, ты здесь? Здравствуй.

Рейхель что-то невнятно пробормотал. «Неужто они это подстроили?» — с бешенством подумал он. Но по виду хозяев ясно было, что они сами в полном замешательстве.

— Я зашла только на минуту, проведать вас, — сказала Люда очень смущенно. Татьяна Михайловна сидела ни жива ни мертва.

— Почему же только на минуту? — спросил Дмитрий Анатольевич и заговорил об ее работе со скоростью тысячи слов в минуту. Так же быстро говорила Люда, искоса бросая взгляд на Рейхеля и тотчас отводя глаза.

— Вы совершенно правы, Митя. Я повторяю, что не революция, а именно кооперация спасет мир! Вы не можете, Таня, и представить себе, как она растет, особенно этот Рочдэйльский тип ее. Она выведет Россию из трясины. Все видят, как выродилось революционное движение. Скоро вся страна покроется сетью потребительных обществ пермского типа, производственных товариществ, земледельческих артелей! Беднейшие слои населения наконец получат возможность жить по-человечески. А рижский Консумферейн! А Нимская школа!

— Это чрезвычайно важно, кооперация, чрезвычайно важно, — подтверждал Ласточкин, с опаской поглядывая на своего двоюродного брата. Тот про себя отметил «Таню».

— Я тоже думаю, что это важно, — говорила Татьяна Михайловна, на которую веяло скукой от самого слова «кооперация». Столбняк у нее проходил. Она старательно улыбалась. — Все же сознайтесь, Люда, что вы чулки, например, покупаете не в артелях, а на Кузнецком мосту.

— Чулки, конечно. А чай, кофе, сахар покупала бы в потребительном товариществе, если бы ближайшее не было от меня на расстоянии двух верст.

— Очень характерен этот начавшийся отход от революции, — сказал Дмитрий Анатольевич. — Кстати, Танечка, я и забыл тебе сказать. Помнишь тех двух молодых людей, которые были у нас в прошлом году на вечере мелодекламации? У них были странные имена: Таратута и Андриканис. Так вот мне сегодня говорили, будто они женятся на сестрах Шмит.

— Вот тебе раз!

— Это брак и по любви, и по идейной близости: все четверо принадлежат к большевистской фракции социал-демократов... Впрочем, этого я твердо не знаю.

Рейхель посмотрел на часы.

— Таня, вы мне разрешите позвонить по телефону? Иначе я не застаю дома этого профессора, — сказал он и, не дожидаясь ответа, встал. Дмитрий Анатольевич проводил его к аппарату.

— Извини, нам так досадно. Люда приходит к нам редко. Мы не ожидали, — сказал он сконфуженным шепотом. Рейхель ничего не ответил. Ласточкин затворил за ним дверь и вернулся в столовую. Аркадий Васильевич позвонил к профессору; тот назначил ему свидание как будто без особой радости. «Что же теперь делать? — подумал Рейхель. — Нельзя же уйти до конца обеда. Может, она уйдет?»

— ...Еще хорошо, что он не наговорил мне грубостей, и на том спасибо, — говорила в столовой вполголоса Люда.

— Что вы!

— Мне все равно, и я понимаю, что он имеет право на меня сердиться... Я бегу à l'anglaise¹. Извините меня, что ворвалась так не вовремя.

— Что вы, что вы!

— Я в самом деле спешу. У меня сегодня будет один петербургский журналист. Еще раз, пожалуйста, на меня не сердитесь.

— Что вы, что вы!

Из Москвы Люда разослала знакомым открытки с указанием своего адреса. Никому из товарищей по партии не написала, — теперь мысленно уже называла их «бывшими». От ее революционности ничего не оставалось. Дело на Аптекарском острове, уход Джамбула, отношение к ней Ленина, экспроприации смешались в душе Люды. Сказалось и влияние кооператоров, ставших ее друзьями и товарищами по работе. Они в большинстве были люди левые или, по крайней мере, очень либеральные, но относились к экспроприациям и к взрыву столыпинской дачи с крайним отвращением.

В числе людей, которым Люда послала из Москвы открытки, был и Певзнер. Она иногда читала

¹ По-английски, не прощаясь (фр.).

его репортажи в петербургской газете. Он уже подпisyвался «Дон Педро». Накануне Альфред Исаевич позвонил ей, сообщил, что газета послала его «для обследования положения на Волге» и что он остановился на два дня в Москве.

— Был бы страшно рад повидать вас, Людмила Ивановна.

— Я тоже очень рада, Альфред Исаевич. Приходите завтра вечером чай пить, часов в девять.

— С величайшим удовольствием.

Люда пригласила его не без легкого колебания. Общей гостиной в ее номерах не было, а уж очень неказиста была ее комната. «Тоньшева сюда не пригласила бы», — с улыбкой подумала она. По дороге домой купила печенье и полбутылки дешевого вина; за вином ей всегда разговаривать было легче. Заказала чай и велела горничной не стлать на ночь постель, — «я сама постелю попозже». Впрочем, Певзнера к «мужчинам» не причисляла. Знала, что он обожает свою жену, оставшуюся в провинции впредь до того, как он «станет на ноги»; постоянно о ней говорил, писал ей письма каждый день, посылал регулярно большую часть своего заработка. «Проще было бы пообедать с ним в ресторане, но незачем вводить его в расходы. При своей галантности он на меня потратился бы».

Встретились они радостно. Альфред Исаевич из деликатности только вскользь спросил о Джамбуле, — «верно, слышал, что мы разошлись». Спрашивал Люду о здоровье, об ее занятиях, о кооперации. С гордостью говорил о своих успехах:

— Могу без ложной скромности сказать, что мои репортажи оценены нашей редакцией, как и вообще в газетных кругах. И весной я перевожу жену в Петербург! Недавно у нее был.

— Я очень за вас рада, Альфред Исаевич. Что же вы будете «обследовать» на Волге?

— Очень печальные события. Там орудует какая-то шайка разбойников. И говорят, она в сношениях с большевиками! Теперь ведь и не разберешь, кто грабитель и кто идейный человек. Чего стоил один этот Соколов!

Сердце у Люды забилось.

— Какой Соколов?

— Разве вы не знаете? Соколов-Медведь! Тот самый, который организовал взрыв на Аптекарском острове. Ведь вы, конечно, читали мои репортажи об этом деле?

— Я не знала, кто это сделал.

— Он, он! Страшный человек!

— Так он только других посылает на смерть, а сам жив?

— Да нет же! Он был арестован на днях на улице и на следующий же день повешен, в порядке этих новых военно-полевых судов!.. Что с вами, Людмила Ивановна?

— Нет, ничего решительно, — не сразу выговорила Люда. Вино пролилось на скатерть. — Повешен?

— Повешен. Вы знаете, у него была любовница или жена, Климова. Красавица! И, представьте, дочь члена Государственного Совета! Отец умер с горя! Подумайте, из такой семьи! Она тоже арестована.

— И казнена?

— Еще нет, предстоит ее процесс. Я знаю все подробности. После ареста она попросила, чтобы ей оставили какой-то шарф, который был на ней в тот день, когда она вышла за него замуж. Это было удовлетворено. Она страстно его любила. Он был не только писанный красавец, но еще магнетизер.

— Откуда вы знаете?

— Мы, репортерская элита, все знаем. Я могу вам даже сообщить одну поразительную вещь, о которой писать невозможно. Представьте, через несколько дней после взрыва на Аптекарском острове он стал писать страстные письма дочери Столыпина, той, что чудом спаслась!..

— Письма дочери Столыпина! Зачем?

— Он предлагал встретиться с ним! Этот человек был так уверен в своей магнетизерской силе, что надеялся убедить барышню убить ее отца!

— Не может быть!

— Это неслыханно, но это так. Я знаю из самого верного источника. Пожалуйста, не оглашайте этого.

— Но как же?.. Если он предлагал ей встретиться, то, значит, давал свой адрес?

— Давал адрес конспиративной квартиры! Был, значит, уверен, что она властям не скажет. И самое поразительное, он в этом не ошибся! Она сообщила отцу об этих письмах, но адреса не указала. По взглядам она, разумеется, правая и обожает своего отца, но не хотела выдавать на смерть доверившегося ей человека. И Столыпин признал ее поведение правильным! Странная душа у русских людей! Эх, пролили вы вино. Ничего, это замоют. Белое вино пятен не оставляет.

— Пятен не оставляет, — сказала Люда.

III

Тифлиссские террористы обычно собирались в одном и том же ресторане Тилипучури. Это было неконспиративно, но они знали, что местная полиция очень плоха, да и не слишком усердно их арестовывает. Ремесло полицейского было в ту пору, особенно на Кавказе, столь же опасно, как ремесло террориста.

Кавказский наместник, граф Воронцов-Дашков, был человек либеральных взглядов. Он любил кавказцев, как их всегда любили русские люди, с легким оттенком благодушной насмешки, относившейся к кавказскому говору. В молодости он сам три года воевал с горцами, помнил, что тогда в армии ни малейшей враждебности к ним не было и что в русской литературе, от Пушкина и Лермонтова до Толстого, вряд ли есть хоть один антипатичный кавказец. Вой-